

В. Н. КАВЕРЗНЕВ

ОХОТА НА УТОК

2-е ИЗДАНИЕ

ИЗДАНИЕ
ВОЛОГОДСКОГО Т-ВА ОХОТНИКОВ
„ВСЕКОХОТСОЮЗ“
1930

ПРЕДИСЛОВИЕ

Охота на уток не пользовалась особым почетом среди охотников-любителей старого времени, главным образом, городских. Одной из причин такого отношения к этой охоте служило то, что охотники-спортсмены старательно отмежевывались от тех охот, которым уделяют значительное внимание охотники промысловые.

Охотники-спортсмены предпочитали охоты, дававшие наиболее интересные эстетические впечатления или требовавшие от охотника наибольшего искусства для овладения дичью. Почему-то утиная охота к разряду таких этими охотниками не относилась. Между тем, это являлось результатом недооценки утиных охот.

Обстановка, в которой протекают утиные охоты, сама по себе так красива и интересна, что не только не уступает в этом отношении обстановке других охот по перу, но, пожалуй, и превосходит ее. Прежде всего—это охота или на водных пространствах, вообще отличающихся живописностью, или в близких сердцу охотника болотах, интересных своеобразной, а временами и бурно кипящей жизнью.

Таким образом отрицать красоту обстановки, в которой протекает утиная охота, никак не приходится.

Что касается искусства, которое должен проявить охотник для успеха в добывании дичи, то в утиной охоте его требуется значительно больше, чем, например, на дупелиной охоте, которая очень чтится спортсменами.

То же нужно сказать и о стрельбе. При стрельбе, особенно на перелетах, требуется необычайно точный глазомер для определения дистанции, на которой утка

проходит от охотника. Ведь без этого не возьмешь верного «упреждения», т.-е. не определишь, на сколько в каждом отдельном случае целить вперед летящей птицы. А без этого ее не убьешь.

Таким образом, остается предположить, что утиная охота не одобрялась потому, что являлась относительно добычливой по количеству мяса и считалась именно поэтому не совсем отвечающей характеру чисто «джентльменской» охоты, построенной на принципе «охоты ради охоты», без материальной заинтересованности охотника.

Впрочем, настоящие охотники и в прошлые времена, начиная с времен, с которыми знакомит нас С. Т. Аксаков в своих вечно новых «Записках охотника Оренбургской губернии», не разделяли таких взглядов на утиную охоту и с большим увлечением стреляли уток и на утренних сидках, и на вечерних перелетах, и просто вытапывая их на глубоких травяных болотах.

В настоящей брошюре будут даны в самой сжатой и популярной форме необходимые для начинающих охотников указания по простейшим приемам правильной охоты на уток на угодьях тех районов, которые называют теперь любительскими и полупромысловыми. Такими угодьями являются пресноводные озера, речки и относительно глубокие травяные болота и кочкарники. Охоты на морских побережьях и охоты, требующие сколько-нибудь ценных или сложных приспособлений, не будут описаны.

ГЛАВНЕЙШИЕ ВИДЫ УТОК

Видов уток очень много, но мы остановимся только на тех, которые представляют наибольший интерес для охоты.

Первое место среди них занимают, несомненно, кряквы и чирки. На них мы и сосредоточим главное внимание.

Кряква—это самая-крупная из так называемых «благородных» серая утка, настолько схожая с обыкновенной домашней, что неопытный человек их не различит.

Охотник же отличит ее сразу и в группе домашних, к которым она нередко подсаживается. Утка эта отличается большей стройностью и строгостью фигуры по сравнению с домашней. Особенно выдают ее относительно длинная, вертикально поставленная шея, строго посаженная голова и большая живость движений. На полете кряква отличается от приближающихся к ней по величине и очертаниям других диких уток белым подбоем крыльев. Голос кряквы походит на голос домашней утки, но все же не может быть смешан с ним по звонкости и четкости более частых вскриков. Летит кряква, слегка посвистывая крыльями.

Перечисленных грубых признаков вполне достаточно для начинающего охотника, чтобы отличить крякву от домашней утки и не смешать с другими дикими.

Шилохвость до известной степени напоминает крякву, но, всмотревшись, даже неопытный охотник ее отличит. Шея у нее длинней и тоньше, чем у кряквы, а туловище легче и продолговатей. Шею она, как и кряква, держит совершенно вертикально. Голос несколько напоминает крякву. Хвост значительно острей, чем у кряквы, а у селезней весной он заканчивается длинными перьями, напоминающая шило.

Широконоска меньше кряквы и шея ее короче, но самым определенным признаком, отличающим ее от остальных уток, является ее длинный и необычайно широкий клюв, послуживший поводом к тому названию, которое дано этой птице. По размерам клюва ее легко отличить и на расстоянии.

Особенностью этих уток служит пестрота брачного оперения селезней.

Утки эти не держатся стайками, а больше одиночками или парами. Широконоски охотно смешиваются в компанию с кряквами и чирками и нередко, как и кряквы, подсаживаются к домашним уткам.

Чирки (свистунок и трескунок) по своим малым размерам не могут быть смешаны ни с какими другими утками, и потому описывать их не стоит.

Среди благородных уток есть одна, которая выдает себя на лету особенно звонким свистом. Это—связь или, как ее называют крестьяне-охотники в Смоленской губ., где я охотился в течение нескольких десятилетий,—«звизжун». У селезня этой утки верх крыльев белый.

«Благородным» уткам, отличающимся высоким по питательности и вкусу мясом, противопоставляют нырковых, среди которых встречаются разновидности совсем несъедобные или съедобные только тогда, если их жарить, сняв с них предварительно шкурку и вымочив тушку в уксусе.

Эти утки легко отличаются в стайках и на значительном расстоянии. Они компактней сложены, отличаются крупной головой на сравнительно короткой шее, в большинстве темней окрашены, хотя попадаются и пестрые, а, главное, сидящая на воде стайка нырковых уток выдает себя тем, что отдельные особи поминутно ныряют чего не наблюдается в стайках благородных уток.

Из нырковых уток наиболее интересна как предмет охоты—«хохлатая чернеть», которая появляется осенью в таком количестве, что мне удавалось выбивать дуплетом из садового ружья 12-го калибра из севшей на воду

стаи до десяти. За чернетью следуют «гоголь» и красно-головый нырок. Эти нырки попадают у нас в средней части СССР часто в достаточном количестве на пролетах и отличаются не только вполне съедобным, но и вкусным мясом. Особенно выделяется своим вкусом красноголовый нырок.

Как правило, утки улетают от нас на зиму. Но иногда некоторые особи крякв остаются у нас зимовать и держатся тогда на ключевых местах, где вода не замерзает, а иногда прибываются к мельницам, где под колесами также не образуется льда.

Говорят, что утки закапываются иногда на ночь в снег подобно тетеревам. Один охотник Московской губернии сообщил мне, что ему удалось убить утку в 1929 г., вылетевшую в числе других из лунок вместе с тетеревами.

Подобное явление нуждается в подтверждении другими наблюдателями, и было бы очень желательно, чтобы охотники, которым известны подобные случаи, огласили их в печати.

Под снежными нависями над водой зимующие утки отсиживаются обычно.

Зимующую утку нетрудно бить с подхода, но настоящий, сознательный охотник не станет этого делать — пощадит птицу, доверчиво оставшуюся у нас в тяжких условиях нашей зимы.

СТРЕЛЬБА СЕЛЕЗНЕЙ ПО ПРИЛЕТЕ

Как только пригреет весеннее солнце, и станут освобождаться ото льда закрайки наших водоемов, так на них начнут задерживаться прилетные и пролетные утки. Чем дружней весна, тем дружней валовое появление утки. Затяжная же весна задерживает прилет и пролет весенних гостей.

Для уток весна является порой любви с момента первого их появления. Кряковые селезни начинают издавать

особый звук, гоняясь за самкой,—«шваркать», как говорят смоленские крестьяне-охотники, «жвякать», как определяют это в других местах, а утка оглашает тогда окрестность звонким призывным кряканьем.

Пользуясь этим свойством уток, охотники придумали успешную охоту на селезней.

Действующими законами об охоте весенняя охота воспрещена вообще, а в числе допущенных изъятий значится и стрельба селезней, но не иначе, как «на манку».

В настоящее время существует тенденция к повсеместному запрещению всякой весенней охоты, но это не мешает любознательному охотнику, если не применять на практике, то все же ознакомиться с этим способом весенней охоты.

Весенняя охота на селезней сводится к тому, чтобы заставить летящего селезня снизиться и подсесть к тому месту, где затаился охотник. Лучшей притягательной силой для этого обладает живая, возбужденная половым влечением утка, призывающая самца естественным голосом. Таковую утку, называемую подсадною, криковою или круговою, и применяют охотники при весенней охоте на селезней.

Подсадною называется эта утка потому, что ее подсаживают, вместо дикой, туда, куда желательно приманить селезня, криковой—потому, что она приманивает его криком, а круговой—потому, что ее привязывают к особому кругу, о котором подробно будет сказано ниже.

Подсадные утки, которыми славилась в старое время Тульская губерния, получались обычно в результате скрещивания кряквы с серой домашней уткой. Иногда это бывают и чистые кряквы, выведенные в домашних условиях из яиц дикой.

Такие утки по большей части хорошо и охотно кричат. Но иногда за недостатком таких уток пользуются и простыми домашними, которые кричат обычно лениво и которым поэтому приходится помогать искусственным подражанием крику. Манить нужно, конечно, голосом самки.

К таким уткам подсаживаются охотнее всего кряковые селезни, находящие в них самок своего вида, а также чирки, которые в этом случае более азартны, чем разборчивы. Селезни других видов подсаживаются к ним редко, как к самкам чужих видов, почему за отсутствием соответствующих подсадных некоторые рекомендуют заменять их нужными чучелами и пользоваться нужным манком.

Но вообще-то гоняться весной за селезнями «всяких пород» нет смысла,—достаточно будет кряковых селезней и чирков да случайно подсевших широконосок, шилохвостей или других. Нужно заметить, что манить голосами различных уток не легко, и подавляющему большинству охотников придется от этого отказаться, чтобы не заниматься безрезультатным покушением с негодными средствами. Да обычно на мелких речонках, небольших озерах и болотцах много «пород» и не скопляется.

Место весенних охот на селезня бывает обычно известно заранее, и заранее же следует в мере возможности, конечно, оборудовать его для этих охот.

Охота на манку с подсадной производится или с лодки, или с берега. И в том и в другом случаях для охотника требуется прикрытие, сооружаемое в виде шалаша, различного несколько устроенного.

На берегу иногда рекомендуют заменять шалаш замаскированной хворостом ямой, но я такими ямами не пользовался, так как в большинстве мест в них сверху или снизу будет набираться вода. Они удобны только при песчаном грунте. Иногда в такие ямы для удобства ставят ящик или погружают обширную бочку, но все это сложнее и хуже обыкновенного, хорошо закрытого с боков и с верху шалаша.

Некоторые авторы не рекомендуют при устройстве шалашей для утиных охот применять еловую лапку.

Я категорически возражаю против этого предостережения. Я всегда при утиных охотах, которым отдавался

в течение долгой охотничьей практики в различных по обилию уток угодьях, пользовался шалашами, где главным строительным материалом была именно лапка, и увозил с одной охоты по десятку, а то и по два селезней. Конечно, шалаш не должен производить впечатления темно-зеленой массы. Его прикрывают ветвями и проплетают сухим тростником. Дело все в том, что не следует строить шалаш накануне дня охоты, а надо дать ему обстояться, чтобы птицы к нему попривыкли. То обстоятельство, что среди береговых насаждений ель может отсутствовать,—никакой роли почти не играет. Не вредно, конечно, если шалаш не выделяется на фоне окружающих насаждений, но это не обязательно.

По берегам Купринского озера (под Смоленском) росли, во время моих охот в тех местах, дубовые рощи, а ели совсем не было, и все шалашы крылись главным образом лапкой. Вот покрывать шалаш сеном, как некоторые рекомендуют, совершенно нецелесообразно. При весенних ветрах от сена не останется и воспоминаний не только на шалашах, поставленных на водном просторе, но и на берегу. Это допустимо только в редкие весной безветренные дни и притом только в защищенных от ветра местах.

Шалаш на берегу устраивается так, чтобы он укрывал охотника от острого глаза налетающего селезня, следовательно, требует густого непросвечивающего прикрытия сверху. Со сторон он должен быть тоже достаточно защищен и иметь только отверстие, обращенное к воде, которое служило бы амбразурой (оконцем) для стрельбы и давало бы возможность видеть поле намеченного обстрела.

Несколько сложнее устройство шалаша на воде, который служил бы прикрытием для тесно входящей в него лодки. На мелких местах, как закрайки затопленных весенним разливом лугов, их делать нетрудно. Здесь вбивают в дно заостренные с комля крупные ветки, верхи их сплетают в виде свода, все это перекрывают еловой лапкой, по которой прокладывают слой ветвей лиственных

пород, переплетенных с прошлогодним камышом. Шалаш должен иметь продолговатую форму, а по размерам соответствовать длине лодки, которая должна поместиться в нем, как в футляре. Для прохода лодки в задней части шалаша оставляется отверстие, которое по входе в шалаш лодки закрывается автоматически ветвями ели, укрепленными соответствующим образом для этой цели.

Делать верх на шалаше раздвижной, дающий возможность охотнику вставать для стрельбы в лет, не следует, ибо при весенних охотах стрельба в лет дает большой процент самок. Спереди в шалаше оставляется такое же отверстие, как в шалаше, устроенном на берегу. Но в шалаше, поставленном на чистом плесе, нужно оставлять небольшие отверстия и в боковых сторонах шалаша для стрельбы подсевших сбоку селезней.

Гораздо трудней устраивать шалаши на открытых, глубоких местах, где дна не достанешь, и где для укрепления шалаша приходится пользоваться вершинами покрытых половодьем деревьев.

Мне вспоминаются охоты мои на разливах Днепра, когда шалаши устраивали на макушках старых развесистых одиночных дубов, залитых весенней водой. И невольно вспоминаешь рекомендованное в качестве покрытия шалаша сено.

Нужно сказать, что самое горячее спаривание уток всегда как-то совпадало с периодом наибольшего половодья, а последнее, если мне не изменяет память,—с наиболее сильными ветрами. Тут, бывало, не только не удержишь сена на шалаше, но боишься, чтобы тебя не сорвало и не унесло со всеми хитрыми приспособлениями.

Лучшими из дешевых, конечно, лодок для утиных охот являются выдолбленные из осины челны, называемые в Смоленской губернии «душегубками». Они хороши для небольших, спокойных вод, а на более широких водных просторах лучше заменять их широкими плоскодонками, построенными из досок. Такие плоскодонки, хорошо

просмоленные, обходились раньше в двадцать рублей. В эту сумму входил значительный заработок продавца сверх себестоимости.

Скрывать эти лодки в шалашах не представляло особых затруднений.

Когда помещение для сидки готово, и утки к нему попривыкли, можно начинать охоту.

Для весенней охоты, когда есть криковые утки,—чучела я считал излишними и никогда ими не пользовался. Ведь охотнику нужно взять селезня, а не кого попало, а селезень ищет самку лучше, конечно, одинокую, ищущую в свою очередь самца. Поэтому достаточно взять одну, но лучше двух криковых. Если взята одна утка, то садить ее следует шагах в двадцати против мыса лодки на плесе, где обеспечен достаточно широкий обстрел. Если взяты две подсадные, то назначение их может быть двояко,—вторая утка может быть взята, как запасная, чтобы заменить посаженную подсадную, если она устанет и перестанет кричать, или для того, чтобы пользоваться одновременно двумя подсадными. В первом случае эту запасную утку держат при себе в лодке в корзине и заменяют ею посаженную на воду утку, когда последняя устанет. Во втором случае садят обеих уток одновременно на воду, но рассаживают их так, чтобы одна другую не видела,—лучше с двух сторон шалаша. Когда эти утки видят друг друга, а тем более сплываются вместе, то они перестают кричать.

Для того, чтобы побуждать временами примолкающих уток задорней кричать, не плохо иметь в лодке в особой корзинке селезня, к которому подсадные утки дома привыкли. Когда нужно подохотить к крику приумолкших уток, достаточно качнуть корзину; селезень подаст свой глухо шипящий голос, и утки закричат веселей.

На крик уток все же все время полагаться нельзя. Иногда в нужный момент, когда вдали показался селезень, они как-раз и не кричат. Тогда охотник сам должен

манить голосом самки. Делается это или при помощи особого вабика—манка, или при помощи согнутой в трубку ладони. Манят обычно голосом самки кряквы или чирка, смотря по тому, какого селезня хотят осадить. Для селезней разных пород нужно иметь соответственно разные манки.

С большого расстояния селезень легко реагирует на довольно грубое подражание голосу утки и сворачивает к шалашу, но по мере приближения он начинает разбираться во влекущем его голосе и может, обнаружив обман, не сесть к утке.

Поэтому, увидев летящего вдали селезня, нужно дать голос, если криковая работает недостаточно горячо. Но, как только селезень свернул к шалашу, следует быть осторожным и манить реже и тише, а как только селезень приблизится,—особенно, когда станет, заметив утку, кружить,—нужно совсем не подавать больше голоса. Здесь самой ничтожной неосторожностью или фальшивой ноткой можно его отогнать. Кряковый селезень более осторожен, чем азартный чирок.

Подсадных уток, как уже было сказано, называют иногда круговыми. Это название присвоено им потому, что во многих местах их привязывают к деревянному кружку, диаметром до одной четверти метра, к окружности которого привинчена петелька для привязи. Кружок этот вращается на штифте, которым заканчивается сверху заостренный снизу колышек, вбиваемый в дно водоема. Колышек вбивается настолько, чтобы кружок был слегка погружен в воду. Кружок этот служит как бы островком для отдыха утомившейся утки. Я этим приспособлением никогда не пользовался, находя его излишним. Ведь не стоит сидеть больше трех-четырёх часов, а за это время утка не устанет.

У нас на охотах применялись самые простые и весьма практичные приспособления—это прикол и грузило. Прикол—это простой заостренный снизу колышек с развилкой

наверху. К колышку этому прикрепляется шнур, за который привязывается утка. Длина прикола обычно менее метра. Острым нижним концом его вбивают в дно водоема, а если при топкости дна нужно его погрузить глубже, то это делается упором весла в развилку.

Грузило—это якорек. Обычно мы брали трехфунтовую гирику, подкову или несколько гаек, какими скрепляются железнодорожные рельсы, и навязывали их на шнурок, к которому прикреплена утка. Это грузило, брошенное в воду, представляло достаточную тяжесть, чтобы прикрепить плавающую на шнурке утку к определенному месту. Длина шнурка должна быть рассчитана так, чтобы он не был слишком длинен и не путался за могущие встретиться под водой предметы, а также не был слишком короток по глубине водоема, так как при коротком шнуре грузило может потопить утку. Шнурок прикрепляется за ногу утки при посредстве широкого ремешка—ногавки.

Ногавка—это браслетик, охватывающий лапку утки и предохраняющий ее от трения шнуром. Закрепляются ногавки различным способом. Я применял широкий ремешок. по длине достаточный, чтобы охватить с излишком лапку утки, в кончиках этого ремешка пробивал дырочки, в которые пропускал шнурок, закрепляя его мертвой петлей. Это самый простой способ, вполне удовлетворявший меня. Есть много более совершенных ногавок, с которыми частью можно ознакомиться из прилагаемых рисунков.

Шнурок должен быть тонким и прочным. Лучший—из английской бечевы. Для прочности можно проваривать его в масле. Длина его, как уже говорилось, должна соответствовать глубине водоема.

Садить утку на воду следует с надлежащей осторожностью. Многие бросают утку вперед вместе с грузилом. Она поднимается на крылья, а грузило ее задерживает и тянет вниз. Этого приема следует избегать, так как при нем не исключена возможность повреждения лапки птицы падающим в воду грузилом. Особенно это нужно иметь

в виду на мелкой воде, где движение груза сразу останавливается, когда оно ложится на дно.

Когда привлеченный голосом самки селезень к ней подсядет, не следует очень задерживаться выстрелом, так как селезень легко может слететь. Но стрелять нужно с большой осторожностью, чтобы не зацепить какой-нибудь случайной дробинкой подсадную. Особенно рискованны выстрелы через подсадную, когда селезень сел за нею от стрелка. Такой выстрел допустим только в том случае, если селезня и утку разделяет значительное расстояние.

Лучшей дробью на этой охоте нужно считать твердую № 6 английского счета, а ружье желательно садового типа, обеспечивающее надлежащую кучность.

Лучший лет и подсадка селезней бывает вскоре после прилета, а затем, когда они с утками разобьются на пары, количество свободных самцов уменьшается, и временно снижаются результаты охот на них. Но как только утки садут на гнезда, селезни опять охотно идут на зов подсадных, и успешность охот снова повышается; но тут обыкновенно истекает уже срок, допускающий по правилам отстрел селезней. Селезни, как видно из предыдущего, слишком сладострастны и преследуют самок, не давая им покоя до тех пор, пока последние не садут на гнезда. При этом не только для того, чтобы устроить гнездо, но и для того, чтобы снести яйцо, утка должна прибегать ко всяким хитростям, чтобы ускользнуть от селезня. Селезень бросается на утку всюду, где он ее обнаружит, даже тогда, когда она сидит на гнезде. Насиживаемые ею при этом яйца, конечно, страдают.

Это, повидимому, дало основание мнению, что селезень разоряет утиные гнезда. Данных к тому, чтобы приписать селезню умышленное уничтожение утиных гнезд,—встречать мне не приходилось.

Это все приводит как будто к заключению, что если разрешать весенний отстрел селезней, то лучшим сроком для этого был бы тот период, когда утки сели на яйца,

и когда неудовлетворенная страстность селезней может принести вред делу размножения диких уток. Но на это можно возразить тем, что в период высиживания утки требуют безусловного покоя, а стрельба в это именно время будет этот покой нарушать.

Спустя несколько времени после того, как утки сядут на гнезда, лет селезней начинает ослабевать,—наступает период вывода и воспитание молодняка, а затем линьки, т.-е. выпадения перьев и замены их новыми. В этом периоде селезни забираются по возможности в малодоступные крепи,—и ни о какой законной охоте не может быть речи.

ЛЕТНЯЯ ОХОТА

Настоящая охота на уток начинается по действующим правилам с первого августа, когда остается уже мало не-летнего утиноного молодняка, когда большая часть уток уже взматерела и поднялась на крыло. В это время практикуется обычно охота скрадом по плавающим уткам, стрельба их на взлете или, как в иных местах говорят,—«на вылетку», с подхода или с подъезда, охота с собакой, а затем в конце месяца применяются уже другие способы, о которых будет сказано дальше.

Под городами и иными населенными пунктами, где сосредоточено много охотников, день открытия сезона охоты является большей частью днем массового истребления всякой дичи. Но уткам достается больше всех. В этот день все устремляются на уток, как более крупную дичь, как на дичь, которую можно стрелять и на воде, и в лет, которую можно овладеть и с собакой и без собаки. И много уток привозится в первые дни сезона в качестве трофеев домой, но, пожалуй, не меньше остается их по топям, крепям и другим недоступным местам в качестве погибающих без пользы подранков. Это объясняется той безалаберной стрельбой на всякие дистанции, которая неизбежна при

большом скоплении и дисциплинированных и недисциплинированных охотников. Иногда и участники этих «полей» возвращаются домой подранками, получая заряд от не в меру горячего соседа. Поэтому говорить о правильной охоте в таких местах не приходится, и нужно сосредоточить внимание на тех угодьях, где количество охотников соответствует более или менее запасам дичи, т.-е. на местах, до известной степени отдаленных от густо населенных пунктов. Такими местами нужно считать болота, озера и речки, отстоящие от железных дорог на десяток километров, а от городов и крупных поселков иногда и подальше.

Самой добычливой охотой в первой половине августа, когда все же часть молодняка еще плохо летает, а остальная не забыла своей юношеской привычки затаиваться, нужно признать охоту с собакой в болотах и заросших высокой водной растительностью водоемах. Легавых собак, хорошо дрессированных и натасканных для охоты со стойкой, на утиные охоты брать не рекомендуется, особенно в молодом возрасте, так как поставленные упорным трудом на значительную высоту полевые качества их снижаются от охоты на уток. Крестьяне пользуются обычно при утиных охотах простыми дворнягами, а некоторые охотники применяют к ним и гончих.

Нужно сказать, что применение гончих в августе на утиных охотах противоречит закону.

Правда, по смыслу действующих правил, под охотой с гончими подразумевается гоньба гончими зверя по следу, а в данном случае речь идет о применении их к охоте на птиц, добывание которых в это время не запрещено. Но ведь появление охотника с гончими в охотничьих угодьях может заставить их погнать зверя в то время, когда не только охота с гончими, но и нагонка их без ружья правилами запрещена. Это формальное возражение против охоты на уток с гончими. По существу же приходится сказать, что, обладая глубоким полазом, далеко отходя от охотника и в то же время не отличаясь особым послушанием, гончие

заставляют нередко взлетать утку или вне выстрела, или на расстоянии того далекого выстрела, при котором и получают погибающие во вред охотничьему хозяйству и не приносящие пользы охотнику подранки. Поэтому к применению гончих к утиным охотам следует отнестись отрицательно. Простые дворняги бывают полезны крестьянину на охоте, и многие из них удовлетворяют требование некоторых крестьян—брать уток живьем, экономя заряд хозяину.

За границей разводится специальная порода собак, применяемых к охоте на водоплавающую дичь. Это, как некоторые называют их, птичьи гончие—«спаниэли». От этих собак стойки не требуется; задача их—разыскивать и выгонять из крепких мест затаившуюся птицу. Собаки эти культурны, вежливы, легко поддаются необходимой дрессировке, и поэтому поиск их охотник может регулировать голосом, свистком или мимикой, заставляя их не отходить далеко. Они хорошо и нестомчиво плавают, в нужных случаях ныряют, достают подранков и подают охотнику дичь.

Это все совершенно необходимо при охоте на водоплавающую птицу, и поэтому теперь, когда отношение охотников к утке изменилось в положительную сторону, было бы весьма желательно, чтобы наши собаководы обратили должное внимание на спаниэля вообще и водяного—в особенности. Эту собаку оценят охотники и используют в надлежащей степени в тех местностях, где имеются угодья, отвечающие требованиям охоты с нею.

Охота на уток с собакой совершенно проста. Подходя к месту, где предполагаются утки,—травяному болоту, залитому водою кочкарнику, речке или озеру, заросшим по берегам кугой, очеретом или другой растительностью, охотник посылает туда собаку, а сам старается следовать за нею по возможности в расстоянии недалекого выстрела, если собаку нельзя удерживать при себе на этой дистанции. Собака, напав на след утки или заметив ее, бросается по следу или за ней,—утка взлетает или удирает от нее по воде, а охотник стреляет ее.

При охоте в крепких местах много и мертво убитой птицы пропадает, так как в крепком гущаре не легко заметить, где упала птица, а иногда, и заметив, где она упала, ее не возьмешь из-за топкости места или глубины воды. Поэтому при большинстве способов охоты на уток участие собаки, приученной разыскивать, поднимать и подавать убитую птицу, безусловно необходимо. В крайнем случае можно держать у ноги, не пуская в поиск, соответственно натасканного легаша.

Кроме стрельбы из-под собак, в августе можно с успехом стрелять уток, поднимая их просто из-под ног, как говорится, вытапывая, в тех же угодьях, где удобна и охота с собакой. Это стрельба с подхода на взлете или, как некоторые говорят, «на вылетку». Удобна она только в местах мелководных, поросших густым травяным покровом и нетопких для подхода. Самая же приятная стрельба уток на взлете с подхода практикуется на небольших речушках, заросших по берегам травянистой растительностью или мелким кустарником.

Здесь охотник, держа ружье наготове, идет просто берегом и стреляет взлетающих от его приближения уток. Эту охоту лучше проводить вдвоем, идя по обоим берегам речки. Такое сотрудничество дает не только больше добычи, но и большее удобство при поднимании битой птицы, падающей иногда за рекой. Некоторые рекомендуют при охоте вдвоем привязывать длинную веревку концами к поясам охотников, чтобы она тащилась серединой по траве и воде, заставляя взлетать пытающихся затаиться уток. Чтобы веревка плотнее прилегла к траве, советуют навязывать небольшие грузики, в виде гаек, свинчаток и т. п. Я лично не применял этого способа по двум соображениям. Во-первых, я не видел надобности в том, чтобы не дать возможности ни одной птице не попасть под выстрел. Не возьму я ее сегодня—возьму завтра, а в крайнем случае обойдусь и без нее. Нечего жадничать. А, во-вторых, я считал этот способ неудобным. Ведь веревка

может зацепиться за пенек, за корягу, за торчащий из воды рожон,—и придется тратить время на то, чтобы ее отцепить. Это будет отравлять удовольствие, а польза этого способа весьма сомнительна.

С подхода можно будет стрелять уток в августе, скрадывая их во время кормежки или отдыха на плесе. Особенно хорошо подпускают отдыхающие на воде чирки. Они спят беззаботно и напоминают при этом небольшие камешки на зеркале водной поверхности.

При скрадывании нужно пользоваться всякими естественными прикрытиями, расположенными поблизости места, где сидят утки. Этими предметами являются кусты, травянистые заросли, пасущийся по берегам скот, копны сена и прочее.

С. Н. Алфераки в «Очерках утиных охот» сообщает, что в южной Испании практикуется скрадывание уток под прикрытием специально выдрессированной для этого лошади. Нужно сказать, что аналогичный принцип известен у нас и туземцам Сибири.

Якуты, например, пользуются для подхода к уткам специально приученным к этому делу быком. Птица, привыкшая видеть пасущимися домашних животных, не может догадаться, что в известных случаях их можно использовать как прикрытия для скрадывания. Якут подходит к водоему, где сидят утки, прячась за быком, которого направляет, куда нужно. Бык же подвигается медленно, пощипывая спокойно траву, и не вызывает подозрения птиц. Подойдя к птицам на убойную дистанцию, охотник стреляет, а бык, совершенно не реагируя на выстрел, продолжает щипать траву. Этот способ охоты якуты считают достаточно добычливым. Наши охотники легко могли бы применять этот способ, в особенности пользуясь лошадьёю. С быком или коровой много возни, так как их не легко приучить к поводу, а тем более принимать нужное направление без повода, а лошадь к нему приучена, и многие из них совершенно не боятся выстрела.

Хорошо стрелять уток на взлете и с подъезда на лодке. Для этого нужна мелко сидящая и не очень валкая лодка, которая проходила бы легко по чакану, стрелолисту и другим травяным водным зарослям. Лучшей лодкой для этой цели будет долбленный из осины и широко разведенный челн, но можно применять и плоскодонку, которая хотя и тяжелей на ходу, но зато много устойчивей. В некоторых местах применяют и две сплоченных кояги.

Такая стрельба с подъезда требует участия двух человек—гребца и стрелка. Можно, конечно, ездить и одному, но это невыгодно. Гребец помещается в корме лодки и управляет одним веслом или даже шестом, так как местами приходится не грести, а подталкиваться, а охотник занимает место впереди и держит ружье наготове, чтобы быстро выстрелить по поднявшейся утке. Стрелку при этом выгодней не сидеть, а стоять, так как стоя стрелять удобнее. Это с одной стороны, а с другой—ему интересно и наблюдать за тем, что делается в траве впереди.

Иногда утка не поднимается долго на крыло, а старается проплыть и низкие и высокие травяные заросли, а потом взлетает где-нибудь за тростником или кугой. Сидящий охотник ее не увидит. Стоять в плоскодонке—дело простое, а в челне требуется навык, так как нетрудно потерять равновесие и опрокинуть лодку. Чтобы не перевернуть шаткий челн, стрелять следует вдоль лодки, а не в сторону.

Рекомендуют иногда стоять в лодке на коленях, но я считал бы это неудобным, так как стоять на коленях весьма утомительно, если даже подложить что-нибудь мягкое, поворачиваться в этой позе неудобно, а главное—всегда стоять придется на мокром.

Говорят, что некоторые охотники помещаются в лодке лежа. Мне таких видеть не приходилось, и я не представляю себе, как можно стрелять из лодки в такой позе в лет.

Вращающиеся табуретки в плоскодонках недурны, если они не скрипят при поворачивании.

Подъезжать к уткам рекомендуется по возможности бесшумно и против ветра, чтобы звуки от шороха лодки и всплесков воды не так доносились до птицы. Стрелять взлетающих уток приходится по большей части в угон, а такая стрельба по крупной птице особого искусства не требует.

ОСЕННЯЯ ОХОТА

В конце августа так называемые благородные утки, окончательно взматерев и уверенно поднявшись на крыло, начинают массовые перелеты к ночи на вечерней заре на кормежку, которая происходит в определенных местах, а на утренней заре—на дневку в те места, где они обычно затаиваются на день. В это же время начинается, как говорят в Смоленской губернии, и присада их к подсадным уткам и чучелам.

На августовской присаде приходится стрелять почти исключительно крякв и чирков. В это время утки эти не садятся на открытые плесы, а присаживаются на мелкие плесики, расположенные среди зарослей куги, очерета, камыша, чакана, стрелолиста и другой водной растительности. В этих местах и происходят сидки на утренних зорях в таких же шалашах, как весной.

Конечно, при желании, верхи шалашей в это время, когда стрелять разрешается уток обоюго пола, можно делать такими, при которых удобно будет подняться во весь рост для стрельбы в лет, но я считаю это совершенно излишним, так как в лет стрелять уток в это время можно при специальных охотах на перелетах (о которых будет сказано дальше), а появление охотника над шалашом приучает уцелевших в стайке уток бояться шалашей и относиться к ним недоверчиво. Кроме того, поднимаясь внезапно над шалашом для выстрела по намеченной птице, охотник может отпугнуть незамеченную им стайку, опускающуюся к шалашу со стороны, которая оставалась у него

за спиной. При охоте же на несколько шалашей такое вскакивание на ноги будет несомненно нарушать интересы товарищей по охоте, отпугивая уток.

Августовские и осенние охоты на уток из шалашей основаны на использовании склонности уток сбиваться в стайки и подсаживаться к другим, себе подобным особям. Утки любят компанию. Это одна из причин, почему, по-видимому, они охотно садятся к подсадным. Но может быть и другая причина. Летящие утки ищут места, куда бы им опуститься. Куда попало они не садятся. Они предварительно осматривают место, на которое придется сесть. Не даром они облетают его, иногда и неоднократно, кругом. Вероятно они желают убедиться в том, что на этом месте все спокойно, что оно не сулит им неприятностей.

Особенно осторожны в этом отношении настеганные утки, т.-е. такие, по которым не раз уже выпускались заряды. И вот наличие плавающих уток останавливает внимание пролетающих и убеждает их в том, что здесь бояться уже нечего, что все здесь проверено группой себе подобных. Поэтому к подсадным утки шлепаются на воду без всякой боязни, особенно в местах, где не часто их беспокоят.

Для успешности утиных охот на присадах не следует, конечно, производить охоту день за днем на одних и тех же местах.

Здесь совершенно необходимы перерывы между днями охот в пределах от трех дней до недели, особенно пока стреляешь местных уток.

Если в период весенних охот достаточно одной или двух подсадных (так как целью тех охот является приманка к шалашу возбужденного половой страстью одиночки селезня), то на осенних охотах, к которым я отношу и охоты в последние дни лета, целью охоты является присадка целой стаи. Поэтому здесь нужно сажать не одну утку, а несколько. Я подсаживал до семи штук. Слишком большое количество подсадных уток имеет то неудобство,

что при стрельбе по подсевшей к ним стайке не трудно зацепить и свою. Это случается часто с неопытными и неосмотрительными охотниками, над которыми после такой неудачи нередко подтрунивают, говоря, что «порода» подсадных уток не предназначена для отстрела.

Уток живых при таких охотах целесообразно заменять в значительной части деревянными, соответственно раскрашенными масляной краской чучелами, которые продаются во всех охотничьих магазинах, или даже профилями уток, которые можно выпиливать из деревянной фанеры или вырезать из металлического листа. Профили эти следует также расписывать масляной краской под цвет настоящей утки, сплошь покрывая дерево краской для предохранения от непосредственного соприкосновения с водой. Это особенно важно на обрезах клееной фанеры.

Не беда, если разрисовка профиля не будет в точности соответствовать натуре, — в этом утка не разберется. Важно, чтобы самый контур был верен, а главное, чтобы поза — положение этой фальшивой утки на воде — была вполне естественна. В этом дикие утки легко разбираются и, обнаружив обман, не подсядут. Профили прикрепляются к поплавку из круглой или овальной дощечки и делаются так, чтобы они в естественной позе держались на воде.

Проверять все это обязательно заблаговременно, а не на самой охоте, конечно, как это, к сожалению, многие делают. Внизу к поплавку прикрепляется шнурок, за который профиль привязывается к якорьку или колышку. Расставлять как подсадных, так и чучела или профили нужно с таким расчетом, чтобы они не могли перепутаться шнурами.

Профили следует подделывать под различные породы уток из наиболее часто встречающихся в данное время в тех угодьях, где производится охота, и рассаживать их на воде однопородными группами. Стайки уток охотнее подсаживаются к уткам своей породы.

Осенью подсадные утки кричат менее энергично, чем весной, хороших крикух достать не легко, а потому в эту пору больше приходится прибегать к искусственному подражанию голосу утки, при чем манить надлежит голосом тех уток, стайку которых нужно осадить на воду.

Чтобы взять на один выстрел больше уток, охотник не торопится обычно с выстрелом, а выжидает, пока утки сплывутся вместе, и стреляет в наиболее густо сидящую группу. Это, конечно, не спортивный, а промышленный прием.

Более надежным выстрелом по утке-одиночке, особенно на значительном расстоянии, является выстрел по боку. При боковом положении утка представляет более обширную площадь для поражения, дробь легче проникает сквозь перья, чем при встречном выстреле в грудь, легче поражает главные внутренние органы и ломает кости крыла, лишая и подранка возможности взлететь.

Если охота происходит на достаточно обширном, заросшем по берегам и островкам водоеме или там, где помимо озера, на котором производится стрельба из шалашей, есть по соседству еще водоемы, полезно пользоваться загонщиками, которые выгоняли бы уток из тех уголков или отдельных водоемов, где они могут отсидеться. Но от таких загонщиков требуются весьма толковые действия.

В начале охоты, когда утки самотеком возвращаются на дневку и присаживаются к шалахам, когда то у того, то у другого шалаша раздаются выстрелы, загонщики должны выжидать, заехав на своей лодке куда-нибудь в кугу или за тростники и наблюдая за тем, в какие места в их стороне садятся утки. Но, как только интенсивность стрельбы снизится, и загонщик заметит, что количество летающих уток уменьшилось, ему надлежит тронуться к тем местам, куда опустились утки, и поднять их на крыло. При нескольких загонщиках им следует согласовывать свои действия, наблюдая за тем, чтобы не поднимать уток в тот момент, когда они только что поднялись в другом месте от другого загонщика.

При охоте с загонщиками время стрельбы удлиняется, и охоту можно протянуть часов на шесть и дольше. При такой длительности охоты может быть не бесполезен для подсадной утки круг для отдыха, которого я не применял потому, что ограничивался тремя-четырьмя часами стрельбы, считая, что этого вполне достаточно, чтобы не слишком настегивать уток, особенно пока держатся местные.

Чем дальше время уходит в осень, чем больше начнет появляться пролетных северных, особенно нырковых уток, — тем меньше добычливыми становятся мелкие закрытые плесы, и охоту приходится переносить постепенно на более открытые и глубокие места. Тут утки разнообразней по породам, но ценных во вкусовом отношении благородных пород становится меньше. Чирков под конец и совсем не бывает.

Большинство охотников избегает при утиной охоте ненастных дней, считая их малодобычливыми, так как утка в ненастье мало летает. Но это свойство утки и ценно при охоте с загонщиками. В туманные дни или дни, когда моросит, как из сита, мелкий осенний дождь, потревоженные загонщиками в крепких местах стайки подсаживаются без отказа к шалашам, и добычливость охоты повышается. Охота из шалашей продолжается до самых заморозков, когда начнется пролет лебедей, несущих, по выражению охотников, зиму на хвосте, и не редко охотникам, выехавшим до света на озеро, приходится при возвращении пользоваться лодкой как ледаколом, потому что у берегов воду прихватило ледком, — образовалась «забережница», как говорят в Смоленской губернии.

Многих интересует вопрос, — поскольку у уток развито обоняние, или, вернее, поскольку утки реагируют на разные запахи?

Должен сказать, что, по моим наблюдениям, утка на запахи совершенно не реагирует. Мне приходилось сидеть в свежеокрашенных лодках, от которых пахло масляной краской, я всегда много курил в шалаше, ничуть не считаясь с приближением птицы; окурки и стрелянные гильзы,

от которых пахло горелым порохом, плавали возле шалаша, а иногда ветром относило их и к подсадным,—дикие утки не обращали на это внимания. Поэтому от охотника не требуется на утиных сидках тех предосторожностей, которые безусловно необходимы при засидках на зверя. Утка больше всего пользуется остротой своего зрения, меньше—слухом и еще меньше—обонянием.

С конца августа, когда вся утка поднимается на крыло, благородные утки начинают массовый перелет с мест своих дневок на места кормежки, которая происходит у них по ночам. Летят они стайками в августе на солнечном заходе, но чем дальше идет дело к холодам, тем позднее проходит у них перелет, а поздно осенью летят они совсем в темноте.

С вечера идут утки крупными стайками, а возвращаются утром мелкими, а не редко парами и даже одиночками. Перелеты эти совершаются обычно по одному и тому же направлению. Пользуясь этой привычкой уток, охотники стреляют их с успехом на путях таких перелетов.

Стрельба на самых местах кормежки отнюдь не рекомендуется, так как она отпугивает уток от избранного ими места. Главная задача охотника при этих охотах сводится к определению направления, по которому происходит перелет уток, и отысканию места, где они проходят большей массой и наименее высоко, т.-е. в пределах нормального выстрела.

В таком месте следует озаботиться устройством необходимой маскировки, чтобы утки охотника не могли рассмотреть. Некоторые рекомендуют установку шалашей, но я считал бы это нецелесообразным. Мне кажется, что здесь будут лучше ямы, скрывающие охотника по пояс, и дальнейшая маскировка искусственным кустом из хвороста или камыша. Так приблизительно устраивают «казарки» в Новгородской губернии—прикрытия при охоте на гусей.

Останавливаться долго на том, как маскироваться, не приходится. Каждому охотнику покажут это практика и условия местности. Цель—стоять так, чтобы утка не

рассмотрела охотника и налетела на верный выстрел. Не мешает напомнить, что стоять нужно совершенно неподвижно, так как утка не так реагирует на очертания врага, как на его малейшее движение.

Более удобным временем для стрельбы уток на перелетах нужно считать вечер, а утро лучше использовать, ради разнообразия, на стрельбу из шалашей. В ясные вечера утки проходят более высоко, чем в пасмурные, и, особенно, когда моросит дождик.

Не следует по несколько вечеров под ряд становиться на одном месте, так как настеганные утки начинают его облетать. Лучше наметить несколько пунктов на путях перелета и по возможности часто менять место для стрельбы.

Кто стрелял уток на перелетах, тот не скажет, что стрельба стремительно мчащейся утки легка. Полет утки отличается очень большой скоростью, и летит она на весьма различной высоте. Стрелять приходится, конечно, не в утку, а в то место, где окажется утка в тот момент, когда туда долетит дробь. Поэтому нужно стрелять вперед, т.-е. делать «упреждение». Но весь вопрос в том, — как велико должно быть это упреждение? Здесь нужно принимать во внимание и быстроту полета птицы, и расстояние, в котором она проходит от охотника. И все это нужно делать на глазок и с чрезвычайной поспешностью, так как утка летит, как уже сказано, необычайно быстро.

В «Очерках утиных охот» С. Н. Алфераки приводит наблюдения известного орнитолога капитана Гульда над быстротой полета стаи чирков. По этим данным, стая чирков способна в час пролететь до трехсот километров. Есть основание считать эту цифру преувеличенной, но не абсурдной. Если ее уменьшить даже вдвое, то скорость движения чирка в воздухе весьма велика.

Многие пожелают все же получить указание, какие же делать «упреждения». На это ответить с необходимой полнотой невозможно, так как в каждом частном случае должно быть свое «упреждение».

Конечно, не приходится говорить о прицеливании в голову летящей утки или на несколько сантиметров вперед головы. Насколько далеко уходит утка от заряда, можно судить по тому, что иногда охотник, бравший на мушку из растянувшейся нитью стайки первую утку, убивал третью. Все это достигается практикой, и полезно практиковаться по стайкам уток, идущих одна за другой. Но при этом нужно иметь в виду, что направление полета птиц не совпадает с линией расположения уток.

Это заметно и на глаз. Утки, при расположении нитью, занимают одну сторону того угла, которым обычно строятся гуси, а иногда и они. Другая сторона угла остается незанятой. Поэтому прицел следует относить несколько за пределы этого незримого угла со стороны, занятой утками.

Линия расположения уток и линия направления полета сходятся под углом. В № 8 «Охотника» за 1925 год я подробно рассматриваю этот вопрос в статье «О строе птиц при перелетах».

Поздней осенью, когда присада идет на больших, открытых плесах, и когда проходят с севера главным образом нырковые, нередко мало пуганные человеком утки,— практикуется иногда и стрельба их с подъезда. Лодку при этом следует маскировать ветвями и камышом, а на тех озерах, где ездит много рыбаков, и утки приучены этим к человеку и лодкам,—можно подъезжать к ним и без маскировки. В этом случае на тихих и чистых водоемах можно с успехом пользоваться складными и переносными лодками. Нужно только помнить, что нельзя наезжать на стаю «в лоб», а нужно ехать стороной, как бы проезжая мимо, но все время сокращая расстояние между лодкой и стаей. Это общее правило при всякой стрельбе с подъезда.

Здесь не лишнее сказать о самой технике стрельбы по ныркам. По летящей стае, как вообще по уткам, нужно брать значительное «упреждение», так как нырки быстры на полете. Но не так просто стрелять их на воде, когда казалось бы и промаха дать нельзя. Стрельба по

стае нырков не отличается от стрельбы по стае других сидящих на воде уток. Если интересно взять на один выстрел больше птиц,—нужно стрелять в то место, где они собрались более плотной массой,—стрелять в кучу.

По моим наблюдениям, в результате стрельбы на воде по стае нырков битых обычно бывает меньше, чем в результате стрельбы по стайке так же густо сплывшихся благородных уток. Объясняется это тем, что нырок имеет более плотное оперение, которое дробь с большим трудом пробивает, и, кроме того, он сидит значительно глубже в воде, что уменьшает площадь, поражаемую дробью.

При стрельбе по одиночным ныркам встречаются не редко курьезы, когда охотник стреляет по нырку в расстоянии каких-нибудь тридцати шагов раз за разом, а птица, то скрываясь под водой, то показываясь на водной поверхности, остается цела и невредима. Суеверные люди бывают готовы приписать это колдовству или нечистой силе. А дело в том, что,—как сказано,—площадь убойного места в этом случае очень невелика. Убойными местами у нырка, сидящего на воде, нужно признать, пожалуй, только мозг и шейные позвонки,—и дробь благополучно может облететь эти места, оставив их незадетыми. Кроме того, конечно, нырок уклоняется от выстрела и своим быстрым и весьма своевременным нырянием. Другой охотник расстреляет свой патронташ целиком и уйдет ни с чем.

Проплывая быстро под водой значительное расстояние, нырок появляется неожиданно довольно далеко и опять вскоре скрывается под водой. В тихую погоду на водной поверхности видна полоса, указывающая подводное направление птицы и дающая возможность определить, где она вынырнет. Не лишнее сказать, что утка под водой работает крыльями, как на лету, что делают не все другие ныряющие птицы.

При стрельбе осенью по утиным стаям можно рекомендовать ружья крупных калибров, например, десятого.

Эти ружья при одинаковой кучности покрывают дробью круг большого диаметра, а следовательно могут захватить большие пределы поражения и убить большее число птиц. Существуют специальные дальнобойные «уточницы» восьмого и даже четвертого калибра, но рекомендовать их и распространяться о них не приходится, так как в настоящее время у нас едва ли найдутся охотники, имеющие возможность тратить на приобретение дорогого ружья, годного для одного только рода охоты и совершенно неприменимого к другим. Ружье же десятого калибра, обыкновенное охотничье двустольное,—очень хорошо для всяких охот и плохо разве тем, что «харчисто», т.-е. требует больших зарядов. На утках это вполне окупится в тех местах, где их много.

МЕНЕЕ ДОБЫЧЛИВЫЕ СПОСОБЫ ОХОТЫ

Выше перечислены и описаны те способы охоты на уток, которые в полной мере доказали свою практичность и поэтому получили широкое распространение во всех тех местах, где имеются хорошие утиные угодья и ведется правильная охота на уток. Но измышления человеческого разума почти не ограничены, и на ряду с описанными способами утиных охот существует ряд способов, не получивших широкого распространения, несмотря на то, что они представляются многим в достаточной мере удачными.

Первое место среди таких способов я отвожу стрельбе уток с так называемого плавного «хиста». Этот способ замечателен тем, что все авторы книжек об утиных охотах хвалят его, хотя сами его не испытали, а описывают с чужих слов. Я тоже буду описывать его с чужих слов, хотя хвалить не намерен.

В основу этой охоты положен тот же принцип, который лежит в основе подъезда в хорошо замаскированной лодке. Впервые описал ее в «Охотничьей газете» за 1888 год некто Шляхтин, применявший этот способ на

своих охотах под Новочеркасском. Сущность этой охоты сводится к следующему: охотник нарезает куги, растущей там же на месте охоты, и связывает ее в толстый пук. Два таких пука, связанных макушками и обращенных комлями наружу и составляют хист. Таким образом, хист представляет толстый жгут из куги. Но так как иногда его приходится удлинять до трех метров и больше, то следует в таком случае средину заполнять соответственным количеством пучков (в большинстве случаев довольно одного добавочного). Жгут этот туго перевязывают скрученными ветками лозы. Обычно хист сгибают в середине под острым углом, но я думаю, что его можно выгибать и подковой, связывая концы бечевой. В стороны хиста втыкают хворостины, образующие переплет. На этот переплет стелют траву и на полученную таким образом полку кладут патронташ, одежду и другое имущество охотника. По краям хиста втыкают хворост, камыш, разные травянистые растения, способные создать маскировку, сквозь которую утки не смогут видеть, что делается внутри хиста, куда поместится охотник. Чтобы последнего не могла заметить и пролетающая сверху утка, располагать растения по борту хиста следует с наклоном внутрь. Посредине хиста рекомендуют ставить рогульку, могущую служить подсошкой для ружья при стрельбе, но мне представляется это излишним и даже неудобным, так как хист нельзя считать устойчивым даже в вертикальной плоскости. В середине хиста оставляют в маскировке отверстие, через которое было бы удобно стрелять. Опытными руками хист сооружают в какие-нибудь полчаса. На каждую охоту рекомендуется новый хист из свежих растений.

Раздетый охотник становится в середине хиста и, медленно подвигаясь, гонит его перед собой, чтобы приблизиться к уткам. Гнать его нужно несколько стороной от уток, стараясь только сократить расстояние до них до предела надежного выстрела. Словом, рекомендуется поступать в этом случае так же, как и при подъезде.

Приблизившись к уткам, охотник стреляет. Утки не особенно пугаются выстрела, если не заметят самого охотника, и перемещаются недалеко.

После выстрела следует также медленно продолжать приближаться к убитым уткам и подбирать их осторожно, не высовываясь за пределы хиста, и продвигаться дальше. Иначе утки заметят охотника и станут бояться этого сооружения. Говорят, что на охоте с хистом можно будто бы взять много уток. Я не буду отрицать, что в подходящих условиях охота эта может дать хорошие результаты, но подходящие для этой охоты условия встречаются не часто. Прежде всего водоем, на котором возможна такая охота, не должен быть очень заросшим; нужно, чтобы на нем были открытые места, по которым можно продвигаться с хистом. Кроме того, дно его не должно быть топким, а должно быть достаточно твердым и ровным, т.-е. не иметь ям, омутов, значительных уступов и прочего. Такие водоемы попадаются не часто.

Недостаток подходящих для применения этого способа угодий составляет первое препятствие к широкому распространению этого способа. Вторым неудобством этого способа является то, что при нем человеку приходится в течение нескольких часов находиться в воде и притом наполовину. В холодную погоду этого не вынесешь или рискуешь простудиться, а в жаркий солнечный день, открыв непосредственному воздействию солнечных лучей часть своего тела, можно ожечь кожу на этой части тела до пузырей, а то и подвергнуться солнечному удару. Ведь погружаться поминутно в воду-то едва ли удобно, да это может и не помочь.

Охоту с плавным хистом можно с большим успехом заменить охотой с подъезда в хорошо замаскированной лодке.

Существует способ скрадывания уток с тыквой, еще менее приемлемый и совсем не охотничий. Для этого в места, где собираются утки на отдых или кормежку,

пускают плавать тыквы между листьями кувшинок, водяных лилий, стрелолиста или других растений. Утки скоро с ними свыкаются. Тогда охотник надевает на голову вычищенную изнутри тыкву, проделав в ней отверстия для глаз и погрузившись в воду настолько, чтобы на поверхности воды оставалась только голова, замаскированная как бы плавающей тыквой, подкрадывается медленно к тому месту, где плавают вышеупомянутые тыквы и где скопились утки. Когда какая-нибудь утка окажется возле него, он берет ее осторожно за ноги, быстро погружает в воду, переламывает ей шейные позвонки и прячет в сетку.

Командированные московским зоопарком для приобретения птицы в Ленкоранский уезд лица применяли, по слухам, при поимке живых уток способ скрадывания их с тыквой.

Я не отрицаю, что поймать одну-другую утку этим способом можно, но не думаю, чтобы способ этот был добычливым. С какой бы ловкостью ни погружать схваченную за лапки утку в воду, она до перелома позвонков, который влечет за собой смерть, будет биться и распугивать остальных птиц. Охотнику-любителю такой живодерский способ расправы с пойманной птицей едва ли доставит удовольствие, а промышленнику—выгоду.

Говорят, будто бы в некоторых местах, к сожалению неизвестных, тыкву заменяют широким овсяным снопом, который птицы оклевают.

Некоторые рекомендуют подходить к уткам, пользуясь отражением солнца на поверхности воды, мешающим будто бы им рассмотреть приближающегося к ним охотника. Так подходить следует в то время, когда солнце стоит невысоко над горизонтом, т.-е. тогда, когда оно склонилось к закату или не поднялось еще высоко на востоке. Подходить следует к уткам с той стороны, где находится солнце, т.-е. оставляя его у себя за спиной. Против солнца и сверкающей от его отражения водной поверхности утка плохо видит и может не рассмотреть охотника, который

должен подходить медленно и бесшумно. Охотнику же освещенные солнцем утки видны хорошо и стрелять их удобно. Я сам этого способа не испытал, но допускаю, что он может дать некоторые положительные результаты, но небольшие.

К числу сомнительных в смысле добычливости я отношу и упомянутый Л. Н. Сабанеевым способ добывания уток при участии собаки. Способ этот сводится к тому, что заметивший с берега уток охотник, имея при себе собаку, по возможности рыжую, чтобы утки приняли ее за лисицу, ложится в траву и затаивается. Собаке этой он бросает кусочки хлеба—то на одну, то на другую от себя сторону. Гоняясь за этими кусочками, собака бежит на виду у уток, то налево, то направо, а любопытные утки, заинтересовавшись действиями своего исконного врага—предполагаемой лисицы, присматриваются к нему и приближаются к берегу. Когда они подплывут на убойную дистанцию, охотник стреляет. При этом способе, как мне кажется, охотнику трудно скрыть себя, а главным образом—свои движения от внимания уток, что необходимо. Это—одно возражение. Другое же сводится к тому, что имитировать лисицу рыжей собакой нет смысла. Надо думать, что утки сумеют отличить лисицу от собаки, а если их занимает бегающее животное вообще, а не только лисица (что будет вернее), то можно быть уверенным, что они будут реагировать в равной степени и на движения собаки любого окраса. Много уток так не набить.

В степях востока европейской части нашего Союза и азиатских применяется травля уток ловчими птицами—соколами и ястребами. Но этой, чуждой нашим широким массам охоты описывать здесь мы не будем.

Есть и еще много способов, которые можно рекомендовать с неполной надеждой на успех, но останавливаться на них нет смысла,—достаточно и перечисленных.

ИСТРЕБИТЕЛЬНЫЕ, А ПОТОМУ НЕДОПУСТИМЫЕ СПОСОБЫ ОХОТЫ

Описав главнейшие, оправдавшие себя на практике и широко распространенные способы охоты на уток и те, которые вызывают сомнение в своей практичности и потому широкого распространения не получили, придется сказать и о способах массового, а следовательно, истребительного добывания уток, которые применяют промышленники и в еще большей степени браконьеры.

Как это ни странно, а уничтожение уток предшествует тому времени, когда они появились на свет. Я имею здесь в виду выборку яиц из гнезд.

Эта выборка в местах обширного гнездования водоплавающей птицы принимает огромные размеры и определенно носит характер истребления этой птицы и среди нее, главным образом, уток. Выборка эта производится не только себе на яичницу, но и для широкого сбыта. Много яиц при этом оказывается насиженными и уничтожается без всякой пользы для кого и чего бы то ни было. Нужно отметить, что число браконьеров, истребляющих самую утку, когда она вышла из яйца, ничтожно по сравнению с числом выбирающих яйца.

Утку, правда, истребляют подчас и не-охотники, а и пастушки с собаками, и другие, нашедшие где-нибудь в болотце случайный нелетный выводок, но главными истребителями живых уток являются все же охотники. Выбирать же яйца на местах гнездовий пускаются все, от стара до мала, и мужчины и женщины.

Сознательные охотники должны, конечно, всемерно бороться с этим хищническим промыслом, который, давая промышленнику незначительный заработок, наносит огромный вред охотничьему хозяйству. Здесь недостаточно вести борьбу с самыми выборщиками яиц,—необходимо самым жестоким образом преследовать скупщиков их, создающих

своим спросом на этот нелегальный товар соответствующее предложение.

Не меньший, пожалуй, ущерб запасам водоплавающей птицы, и в том числе уток, причиняет хищническое добывание подлины, т.-е. линяющей птицы, когда она, сменяя перья, лишена временно возможности летать.

В это время ее почти не стреляют,—нет расчета тратить заряд. Ее преследуют всяким собачьим сбродом, который давит ее, бьют ее палками, колют острогой, как рыбу во время нереста, ловят сетями... На ряду с подлинью основательно достаётся здесь и «ползунам»—нелетному молодняку.

В местах обширных гнездований на Севере добывание подлины организуется в очень крупном масштабе и дает в результате десятки тысяч голов добычи.

В некоторых местах ловят у нас уток и переметами.

Перемет—это длинный шнур, который протягивается через речку, где держатся утки, или другой водоем. Шнур этот прочно привязывается к колышкам, поставленным по краям пространства, где намечена ловля уток. К шнуру на определенном расстоянии друг от друга, примерно, в полметра, привязываются поводки, на концах которых укрепляются крючки, какие употребляют удильщики. Насадкой служат разные предметы из употребляемых утками в пищу—крупные насекомые, черви, кусочки мяса, бобы и прочее. Утка, заглатывая насадку попадает на эти крючки так же, как рыба. Некоторые ставят, вместо перемета, крючки на поводках, привязанных к приколам—колышкам, которые вбивают в дно. Это делается в виду того, что попавшаяся на крючок утка начинает биться и трепать весь перемет, что распугивает других уток.

Ловят уток и так называемыми перевесами—широкими сетями, подвешенными на шестах в тех местах, где пролетают утки. Особенно удобен этот способ на лесных озерах. В этом случае озера соединяют лесными просеками, по которым утки скоро начинают перемещаться

с озера на озеро. Перевес перехватывает всю просеку на высоте обычного перелета уток, и последние попадают в сеть. Применяется этот способ обычно в диких местах и при этом весной и осенью. Осенняя ловля дает больше добычи. Лов производится, конечно, по утренним и вечерним зорям, когда идет лет утки, и опытный ловец, во-время накрывающий сетью ударившихся в нее уток, берет за день не один десяток этой птицы. Это очень истребительный способ и особенно вредный в весеннее время, когда погибшие утки могли бы принести выводки.

Много уток добывают в промысловых районах при посредстве сильев. Это петли из конского волоса или ниток, которые расставляются на местах кормежки уток и на их проходах по воде. Доктор Н. В. Слюнин пишет, что в Охотско-Камчатском крае силки делают иногда из перьев альбатроса. К сожалению, из его описания трудно уяснить себе технику выработки петель из этого материала. Ловля силками должна быть также отнесена к числу истребительных и серьезно преследоваться.

Описывать ее подробно нет надобности.

СПОРТИВНОЕ И ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ УТКИ

Дав необходимые сведения о способах охоты на уток, практичность которых вполне доказана опытом, а равно и тех способов, добычливость которых приходится взять под сомнение, и ознакомив читателя с сущностью главнейших истребительных приемов, с которыми сознательному охотнику надлежит всемерно бороться,—скажем в заключение несколько слов о спортивном и экономическом значении описанной нами птицы.

Утка, как видно из изложенного выше, не при всех условиях легко дается охотнику. Для того, чтобы овладеть ею, нужно знание ее жизни и повадок и умение использовать это знание. Стрельба уток требует во многих случаях большого искусства и навыка. Следовательно,

отношение к утке, как предмету, недостойному внимания спортсмена-охотника, является результатом незнания этого предмета и недооценки его.

Кроме спортивного значения, утка имеет и довольно серьезное экономическое значение.

Доходя до килограмма в весе тушки, утка представляется ощутительной в бюджете охотника, так как одной такой птицы хватит на обед для небольшой семьи, а охотник приносит обычно с охоты не одну утку. Это в районах любительских и полупромысловых охот. В районах же промысловых, где водоплавающая птица, главным образом, гусь, а на ряду с ним и утка, добывается в значительном количестве,—ее коптят, вялят и заготавливают впрок. Здесь она должна быть отнесена если не к основному, то во всяком случае к очень важному предмету питания.

Заготовка уток для экспорта у нас не производится. Объясняется это частью тем, что утку добывают в теплое сравнительно время, когда хранить ее затруднительно, а отчасти и тем, что у нас нет консервных заводов, где могли бы обработать соответственно ее вкусное и питательное мясо.

Шкурки уток и перо ее на Севере утилизируются для домашних надобностей и несомненно могли бы быть использованы при надлежащей постановке дела как предмет торговли.

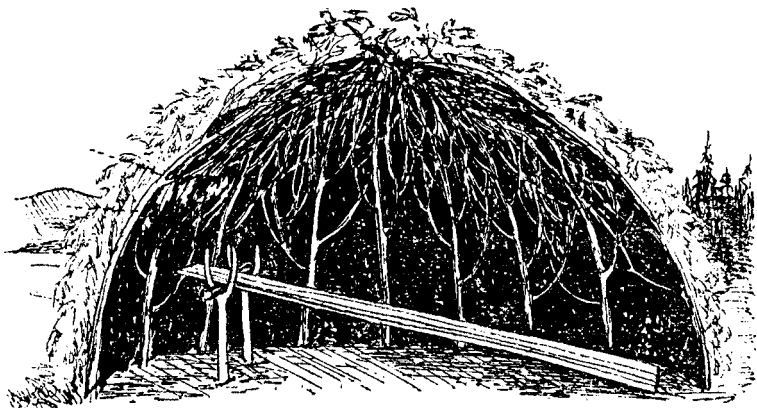

Рис. 1. Шалаш на берегу. Доска, на которую ложится охотник, чтобы избежать сырости (применяется не везде).

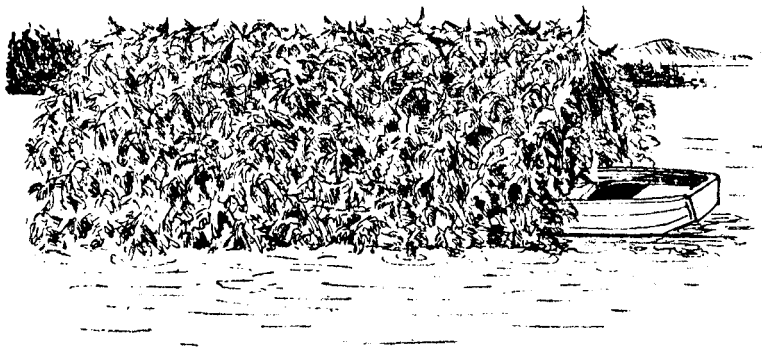

Рис. 2. Шалаш на воде, в который не вошла еще корма лодки.

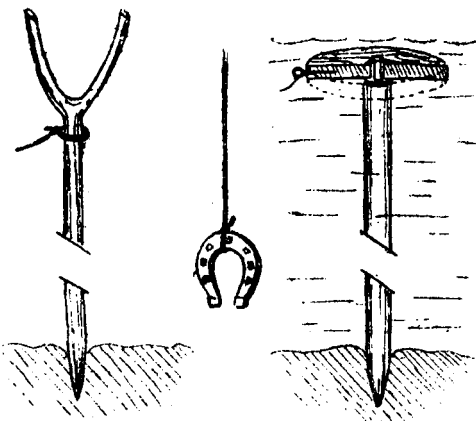

Рис. 3. Прикол, грузило и круг.

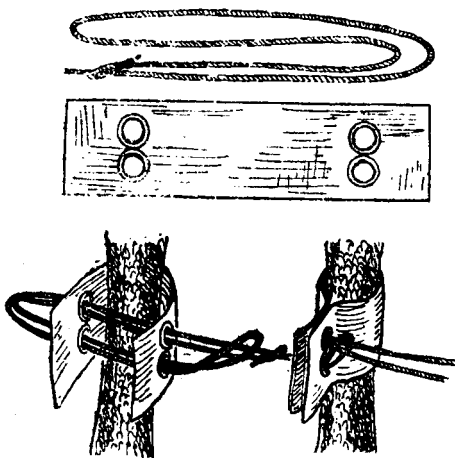

Рис. 4. Ногавк...

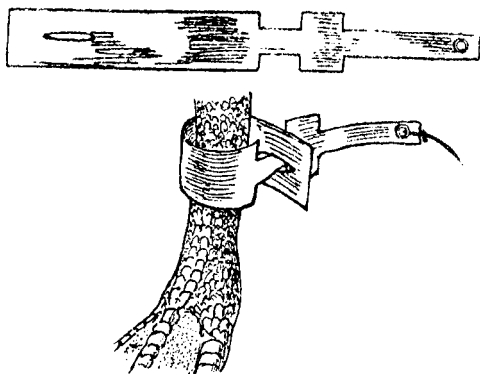

Рис. 5. Ногавка.

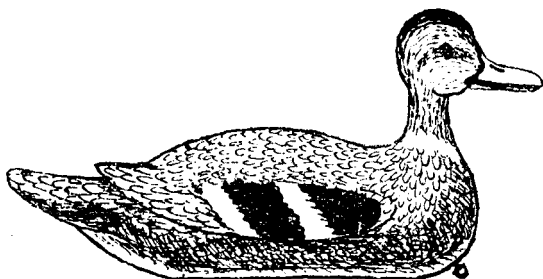

Рис. 6. Деревянное чучело утки.

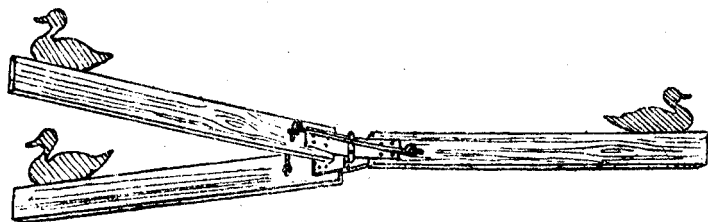

Рис. 7. Профили уток.

СОДЕРЖАНИЕ

	Стр.
Предисловие	3
Главнейшие виды уток	5
Стрельба селезней по прилете	7
Летняя охота	16
Осенняя охота	22
Менее добычливые способы охоты	31
Истребительные, а потому недопустимые способы охоты	36
Спортивное и экономическое значение утки	38